

Роджер Желязны

Там, в вышине

Роджер Желязны Там, в вышине

Vladimir

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=161196

Роджер Желязны

Там, в вышине

Сьюзи познакомилась с Германом в саду, через который она напрямик бегала в школу. Это был очень старый сад, по всему было видно, что никто о нем не заботился.

Когда-то неподалеку стоял дом, и в нем жили люди, которые любили яблоки и которые посадили этот сад. Но люди уехали, дом разрушился, а сад одичал.

Земля была усыпана большими мертвыми ветвями, а живые ветки переплетались над головой наподобие крыши. К середине лета трава выростала по пояс, повсюду виднелись островки одуванчиков, маргариток и молочая, между деревьями росли кусты дикой ежевики. Все это превращало сад в тенистые, таинственные и непроходимые заросли.

Даже в мае, когда растения еще не такие высокие и сочные, как летом, сад все равно был безлюдным местом, потому что никто, кроме Сьюзи, не срезал через него путь в школу. Никто не знал тропинки через заросли колючек, где можно было пройти, не поцарапав ног. Никто из ее друзей не ходил домой этой же дорогой.

Вот почему в тот чудесный, теплый, солнечный денек в последнюю неделю перед каникулами, когда она повстречалась с Германом, Сьюзи была совсем одна.

Она осторожно пробралась сквозь колючки, обогнула

большое дерево, ветви которого свешивались до земли... и увидела его. Он сидел на камне, греясь на солнышке и закрыв глаза.

Она не сразу заметила его, потому что по цвету он походил на старое дерево и, кроме того, сидел не двигаясь.

Сьюзи знала, что здесь раньше не было большого старого дерева. Поэтому она остановилась и что-то сказала.

Она сказала: «О!»

Герман открыл один глаз и посмотрел на нее сверху вниз.

– Привет, – ответил он.

– О! – повторила она, а потом сказала: – Привет, – потому что он ведь первый с ней поздоровался. – А у тебя клюв, – заметила она, посмотрев на него снизу вверх. – Ты – птица?

– Нет, – ответил он. – Для птицы я слишком большой.

– В школе я читала про кондоров, – сказала она. – Это очень большие птицы, которые живут в Южной Америке, они могут летать весь день высоко над Андами.

– Я тоже так могу, – сказал Герман, открывая второй глаз и расправляя крылья (которые до этого были сложены, отчего он и казался похожим на большое старое дерево).

Крылья у него были коричневые и выглядели как кожаные. Они смахивали на тенты киосков пригородной ярмарки.

– Я тоже так могу, – повторил он. – Я могу летать весь день, и всю ночь, и весь следующий день – выше, чем они, – и я больше кондора.

– Значит, ты не птица? – спросила она.

– Разве ты видишь на мне перья? – спросил он в свою очередь.

– Нет, – ответила она, присмотревшись. – Но у тебя клюв и крылья...

– У самолета тоже есть крылья, но от этого он не становится птицей. Дрозд мяукает, но от этого он не становится кошкой, – сказал Герман, – а тюлень лает, но от этого он не становится собакой.

– Значит, ты – летучая мышь, – решила она. – Большая летучая мышь. У них нет перьев.

– Я не летучая мышь!

– Ну хорошо, – согласилась Сьюзи, отступив назад, чтобы получше разглядеть его карие глаза. – Хорошо, – повторила она. – Тогда кто же ты?

– Я – птеродактиль, – ответил он, поворачиваясь так, чтобы она могла разглядеть его в профиль. – Точнее, незарегистрированный вид птеранодона. Но и птеродактиль вполне подходит.

– Что-что? – спросила Сьюзи.

– Птеродактиль.

– Птер-о-дак-тиль, – медленно повторила она. – Что это такое?

– Очевидно, – произнес Герман, тихонько фыркнув, – это нечто получше, чем птицы и летучие мыши, потому что они больше, сильнее и могут летать выше и быстрее.

– Ты хвастаешься, – сказала она.

– Нет! Это правда!

– Даже если это и правда, – решила она, – ты все равно хвастаешься.

– Нет, я констатирую факты. А если эти факты подтверждают что-то хорошее и удивительное обо мне, то это не значит хвастать. Это значит быть честным.

– Все равно хвастаешься, – заупрямилась она, – несмотря ни на что.

– Я ничего не могу поделать, если я такой хороший и удивительный, – объяснил он. – Просто я такой. Если я скажу что-то другое, то я совру.

– Ну ладно, – согласилась Сьюзи, – ты хороший и удивительный.

– Спасибо, – его клюв немного приоткрылся наподобие улыбки. – Спасибо тебе, маленькая девочка. Как тебя зовут?

– Сьюзи, – сказала она, – но я не маленькая.

– Для меня все, что меньше лошади, – маленькое, – отозвался он. – Меня зовут Герман, и я очень рад с тобой познакомиться.

– Мне уже надо идти, – сказала она ему, – иначе я опоздаю.

– О, пожалуйста, не уходи. Побудь со мной еще немножко.

– Ну, пожалуй, одну-две минутки, – решила она. – А почему ты сидишь на камне?

– Потому что я рептилия и холоднокровный. Я люблю си-

деть на солнышке, потому что так мне хорошо и тепло.

– Рептилия?.. Как змея? – спросила она, отходя немного в сторону.

– Едва ли, – ответил он. Потом объяснил, фыркая: – Змеи! Грязные, маленькие, ползающие по земле – вот кто такие змеи. Я же – существо высших сфер. Я парю. Я познал необъятность неба. Я пробиваю насквозь облака и охочусь по ночам за луной...

– Но разве змеи не любят лежать на солнышке? – спросила она.

– Ну... да.

– Почему? – интересовалась она.

– Потому что они холоднокровные и хотят согреться.

– Как ты?

– Это простое совпадение, – сказал он, – они любят то же, что и птеродактили.

– Но ты сказал, что ты тоже холоднокровный – как змея.

– Но на этом сходство кончается, – ответил он. – Они ползают под камнями – и они мне не родня. Нет!

– Что означает холоднокровный? Это то же, что «жестокый»? Я слышала, людей называют хладнокровными, когда...

– Нет-нет, вовсе нет. Это физиологический термин, относящийся к существам, подобным мне – и некоторым другим, – у которых температура крови равна температуре окружающей среды. Когда доктор измеряет тебе температуру, его

беспокоит, если она не такая, как должна быть. Это потому, что она всегда должна быть приблизительно одна и та же, вы ведь теплокровные. Если у тебя температура намного выше или ниже, чем обычно, ты, возможно, больна. Моя же температура постоянно меняется, – закончил он, – но больше всего я люблю, когда она повыше.

– Это очень интересно, – сказала Сьюзи. – Но сейчас мне непременно надо идти...

– Нет. Пожалуйста, не уходи, – попросил Герман. – Я хочу с кем-нибудь поговорить. Я так одинок.

– Но если я сейчас не уйду, я опоздаю. Разве ты не можешь поговорить с другими птеродактилями?

– Нет, – ответил он. – Они все сейчас далеко. Даже мои папа с мамой сейчас в отъезде.

– Папа с мамой? – спросила она. – Так ты – маленький птеродактиль?

– Я довольно большой для своего возраста, – возразил Герман, захлопнув клюв с громким щелчком.

– Но ты еще не совсем вырос?

– Ну, пожалуй, еще не совсем, – ответил он.

– Какой же тогда твой папа? – спросила она.

– Ты была на пригородной ярмарке?

– Да.

– Каталась на большой карусели? Ну вот я думаю, мой папа мог бы унести ее в когтях, если бы захотел.

– О!

– Но он не захочет. Карусели ему ни к чему.

– Боюсь все же, что я опоздаю, – сказала Сьюзи. – Правда, мне пора.

– Я могу донести тебя домой, – предложил Герман, – и ты не опоздаешь... если ты обещаешь прийти и поговорить со мной завтра.

– Не знаю, смогу ли я... – начала она.

Плечи Германа поникли, и ей показалось, что она увидела большую слезу, появившуюся в уголке его глаза.

Ей не хотелось, чтобы он расстраивался, поэтому она сказала:

– Хорошо, мы поболтаем с тобой на этом самом месте, но только завтра.

– Отлично! – обрадовался Герман, широко открывая клюв и расправляя крылья. – Отлично! Сейчас я отнесу тебя домой. Ты где живешь?

– Я живу в конце улицы в доме с голубой крышей прямо за этими деревьями, – сказала она, указывая рукой. – Это недалеко, и я могу...

Не дослушав, Герман осторожно обхватил ее когтями и, хлопнув крыльями, взмыл высоко в воздух.

Ветер засвистел в ушах у Сьюзи. Она пыталась что-то сказать, но слова уносило прочь.

Потом она поняла, что глаза ее крепко зажмурены. Она открыла их.

Оставшийся далеко внизу сад казался совсем маленьким,

как маленькая зеленая картинка. Дома были словно игрушки на ковре.

– Герман! Пожалуйста, опусти меня! – закричала Сьюзи. – Мы слишком высоко!

– Вовсе нет, – ответил он. – Мы еще совсем не высоко. Я могу поднять тебя гораздо выше, если захочешь.

– Не захочу, – ответила она. – Я хочу домой! Я живу вон в том маленьком кукольном домике в конце той крошечной улицы – в том, что с голубой крышей. Ты обещал отнести меня туда.

– Хорошо, – вздохнул он. – Я просто думал, что тебе понравится первый полет. Я ошибся. Прости. Я вижу, тебе совсем не нравится...

– Не то чтобы мне не нравилось летать. Просто я могу опоздать, и тогда мама спросит, почему я опоздала, а я отвечу, что летала с птеродактилем по имени Герман, и она тогда неделю не будет давать мне карманных денег, потому что не любит, когда я вру.

– Но ты ведь не соврешь, – возразил Герман, снижаясь.

– Я это знаю, – сказала она, – и ты это знаешь, но у меня предчувствие, что лучше на этом не настаивать.

– Гмм, – промычал Герман, кружась над домом. – Мне думается, что ты права. Я совсем забыл, что мне сказала однажды мама: люди считают, что птеродактили вымерли. Вот что она сказала. Я никогда не встречался с людьми и забыл об этом. Ну хорошо, давай приземляться, – сказал он. – Я

высажу тебя за гаражом. В следующий раз, когда мы полетим, можешь сесть мне на спину, если захочешь. Только обещай, что будешь крепко держаться.

– Обещаю, – согласилась она, едва переводя дыхание.

– Ведь мы летаем еще, правда? – спросил он.

И прежде чем Сьюзи успела что-то сообразить, губы ее уже сказали:

– Да.

Она подбежала к углу гаража. Потом повернулась и посмотрела на Германа. Он все еще стоял, провожая ее взглядом, и казался очень грустным. Клюв его раскрылся, словно он хотел что-то сказать. Но он закрыл его и ничего не сказал.

– До свидания, Герман, – прошептала она.

– До свидания, Сьюзи.

– До завтра, – добавила она и, повернувшись, бегом кинулась к дому.

В тот вечер после ужина, лежа на полу и глядя в потолок, она спросила отца:

– Что такое птеродактиль?

Отец посмотрел на нее поверх газеты.

– Что-что? – спросил он.

– Птеро-дак-тиль. С большими коричневыми кожаными крыльями, с клювом, как у птицы, – только летать он может выше, быстрее и дальше, чем птица.

– Птеродактиль... – повторил он. – Ах вот что. Ты о них в школе прочитала?

– Ну... возможно, когда-нибудь и прочитаю.

– Мм, – промычал он. – Птеродактиль представляет из себя – вернее, представлял – большую летающую рептилию, жившую в доисторические времена, когда водились динозавры и росли высокие папоротники и гигантские деревья. Это было в те дни, когда мир был теплым и сырым, а люди еще не появились.

– Они холоднокровные, птеродактили?

– Да, кажется, холоднокровные.

– Как змеи?

– Да, они принадлежат к одному классу вместе со змеями, черепахами, крокодилами и другими существами с такой кровью.

– Он соврал мне! – воскликнула она.

– Кто соврал?

– Герман... О!

– Твой приятель? Соврал о птеродактилях?

– Да. Он сказал... что они... вовсе не родственники со змеями.

– Знаешь, не стоит на него сердиться из-за этого. Возможно, он просто не знает точно.

– Он знает.

– Это еще неизвестно, – сказал отец, снова поднимая газету. – Я бы простил того, кто соврал мне о птеродактилях.

– Наверное, я тоже прощу. Но почему люди думают, что птеродактили вымерли?

– Потому что они вымерли, – ответил он.

– Но почему?

– Потому что они вымерли вместе с другими рептилиями, когда на Земле стало холоднее. Появились теплокровные существа, более умные и приспособленные.

– Но черепахи-то еще существуют, и крокодилы, и... змеи, – возразила она, – а они ведь холоднокровные. Ты сам сказал.

– Ну, я думаю, это потому, что они меньше и им легче отыскать укромные места, куда можно заползти и согреться, и им не нужно столько пищи, как большим рептилиям.

– Но разве птеродактили не могли улететь в теплые края, где много еды?

– Думаю, могли, – согласился он, снова принимаясь за газетку.

Через некоторое время Сьюзи спросила:

– Как ты думаешь, куда бы они полетели?

– В Южную Америку, – ответил отец.

– А куда в Южную Америку?

– В джунгли Бразилии, – сказал он. – Они все еще не исследованы.

– Значит, он как раз оттуда... – решила она.

* * *

На следующий день Сьюзи бежала всю дорогу от школы

до сада, чтобы подольше поболтать с Германом. Она совершенно задыхалась, когда прибежала, и расцарапала ноги, хотя и знала тропинку сквозь колючки.

Герман сидел на том же самом камне, и было похоже, что он не шевельнулся с того самого мгновения, как она увидела его первый раз.

– Привет, Герман, – сказала она.

– Сьюзи! – Он быстро открыл оба глаза. – Ты все-таки пришла! Я знал, что ты придешь.

– Я же обещала.

– Только поэтому?

– Нет, – сказала она. – Я хотела тебя увидеть.

– Здорово. Как это здорово! – обрадовался он. – Хочешь полетать со мной?

– Не сейчас, – ответила она. – Я хочу немного поговорить с тобой.

– Хорошо, – согласился Герман. – О чем ты хочешь поговорить?

– Птеродактили жили в доисторические времена, так? Когда водились динозавры и росли гигантские папоротники и огромные деревья? Когда мир был болотистым, а люди еще не появились?

– В основном все верно. Мы называем этот период Добрыми Старыми Временами.

– А потом на земле похолодало, и стало трудно добывать еду.

– Да. Речь идет о тех временах, когда мы были аристократией, когда мы путешествовали первым классом, а все ходили пешком. Но произошла революция, и все перевернулось.

– Какая революция?

– На земле, – ответил он. – Произошли какие-то перемены, и дни стали холоднее. Большие деревья попадали, а гигантские папоротники погибли. Болота пересохли, и лед стал надвигаться на сушу.

– Как это ужасно! И что вы сделали?

– Мы улетели.

– В Южную Америку?

– Да, туда.

– В джунгли Бразилии?

– Как ты догадалась?

– Ну, просто догадалась.

– Вы, теплокровные, очень ловко умеете разгадывать всякие загадки, – признал Герман. – Да, именно так мы и поступили. Ну, теперь хочешь полетать?

– Да, – сказала Сьюзи. – Можно я теперь полечу у тебя на спине?

– Конечно. Я наклонюсь, а ты взбирайся на меня.

Герман так и сделал, и Сьюзи вскарабкалась ему на спину.

– Только держись за мою шею крепче, – проинструктировал он ее. – Я не собираюсь потом ловить тебя в небе.

– Не беспокойся, – сказала она. – Я не свалюсь.

Он взмыл в небо, и на этот раз она не зажмурилась гла-

за. Она держала их открытыми и смотрела, как все под ними становится меньше и меньше, пока они поднимаются все выше и выше.

– Как высоко мы поднялись? – спросила она.

– Еще не очень высоко, – ответил он. – Посмотри-ка, вон летит самолет, он выше нас. Давай догоним его!

– Хорошо. Только не повреди его.

– Не буду. Я просто хочу поиграть.

Его огромные крылья рассекали воздух справа и слева от нее, и Сьюзи почувствовала на лице сильные порывы ветра, что было приятно. На плечах у Германа перекачивались большие мышцы, и она ощущала его силу. Ей приходилось раньше кататься на лошадях, и она всегда им доверяла, потому что они сильные и уверены в себе. То же самое она почувствовала по отношению к Герману. С ним она была в безопасности. Поэтому радовалась полету, держась за его шею. Вот они поднялись на ту же высоту, что и самолет... Вот они поднялись еще выше.

Она видела, как вращаются большие пропеллеры. Самолет двигался в их направлении и вскоре должен был пролететь под ними.

И тут Герман спланировал на него.

– Герман! – закричала она.

– Я только играю, – успокоил он ее.

Они нырнули вниз, мимо самолета, и Герман едва не коснулся самого кончика длинного блестящего металлического

крыла своим собственным коричневым кожистым крылом.

Когда они проносились мимо, девочка разглядывала самолет. В иллюминаторах с их стороны виднелись лица, словно бледные портреты под стеклом, все они ошеломленно смотрели на них.

Она попыталась представить, что случилось бы, если бы он коснулся самолета.

– Ты испугал меня! – укорила Сьюзи. – Я думала, мы заденем его!

– Я же сказал тебе, что хочу поиграть, – сказал Герман.

– И ты испугал всех людей в самолете.

– Не думаю, – возразил он. – Это происшествие на минутку оживило их существование. Вскоре они забудут, что увидели на самом деле. Одни будут рассказывать о нас как о летающей тарелке, другие – как о стае гусей или о маленьком самолете, который сбился с курса и пролетел слишком близко от их трассы. Что бы они ни думали потом, они так и не поймут, кто мы такие. Значит, мы просто дали каждому из них маленькую тайну, над которой можно некоторое время поломать голову. «Что же я все-таки видел? – будут они спрашивать себя. – Разумеется, это был не птеродактиль, потому что они ведь вымерли, но даже если это и был птеродактиль, откуда у него на спине могла взяться маленькая девочка?» Так они ничего и не узнают. Всегда приятно поразмышлять над какими-то тайнами. С ними жизнь не кажется слишком простой и объяснимой. Так что я оказал им всем

огромную услугу, пролетев так близко от самолета.

– Теперь, когда ты мне все объяснил, – сказала Сьюзи, – это выглядит совсем не плохо... Но сейчас можем мы вернуться обратно? Я все-таки боюсь опоздать домой.

– Хорошо. Только почему тебе так необходимо приходить домой вовремя? Что для тебя «время»?

– «Время» – это когда ты должен быть в определенном месте прежде, чем произойдут определенные вещи, а если тебя там не окажется, значит, ты опоздал и все сходит с ума. Но вот завтра пятница, последний день занятий, а потом будет суббота. В субботу я могу играть с тобой весь день, а не чуть-чуть, как сегодня. А потом будут целые летние каникулы.

– Здорово! – сказал Герман. – Давай отправимся в путешествие.

– Куда?

– Не знаю. Есть какое-то место, куда ты особенно хочешь попасть?

– Не знаю. Но у нас целое лето впереди.

– Да, правда... – ответил он, снижаясь и приземляясь за гаражом.

* * *

В субботу они устроили пикник на маленьком островке посреди большого озера. Сьюзи не знала точно, где оно находится, слышала только, что это было очень далеко.

Герман съел шесть сэндвичей с ветчиной, а потом летал над озером в поисках рыбы, потому что все еще был голоден.

Он кружился и кружился, всматриваясь в воду. Потом нырял, падая как камень. Сначала его огромный клюв вонзался в воду, словно копье. Через мгновение он выныривал из озера, мокрый и блестящий, крепко зажав в клюве рыбу. А еще через мгновение рыба исчезала в его пасти, и он снова взмывал в небо и начинал кружиться.

Через некоторое время он вернулся и опустился на пляж рядом с ней.

– Ну и много же ты съел! – удивилась девочка.

– У большого и аппетит соответствующий, – ответил он.

– Сколько же ест взрослый птеродактиль? – спросила она.

– О, очень много. На самом деле они проводят большую часть жизни в поисках еды.

– Тебе не кажется, что это несколько утомительно?

– Нет, отчего же, если ты получаешь удовольствие от еды, – ответил он.

– Не думаю, что мне понравилось бы все время разыскивать еду.

– Знаешь, – сказал он, – когда тебе что-то доставляет удовольствие, то поиски этого тоже доставляют удовольствие. Я бы сказал, что половину любой жизни занимают поиски того, что доставляет удовольствие, – и, возможно, это самая приятная половина.

– Поиски?

– Поиски.

– А что мы теперь будем делать? – спросила она.

– Давай посидим на солнышке, там так тепло и хорошо.

– Давай.

– ... Потому что самая прекрасная вещь на свете – это когда ищешь и находишь, с этим могут сравниться только новые поиски, – закончил он.

Они довольно долго сидели на солнышке, и им было тепло и хорошо. Но вот Герман зевнул, деликатно прикрыв клюв кончиком крыла. Затем он расправил крылья и стал похож на большой развевающийся флаг.

– Еще летаем? – спросил он.

– Непременно!

– Тогда прошу на борт, – и он склонился перед ней. Они полетели дальше.

Герман поднимался все выше, и Сьюзи чувствовала себя ракетой, летящей на Луну, с той только разницей, что был день и она знала, что аварии не произойдет и она всегда плавно приземлится.

Они оставили позади озеро и большие холмы за ним. Потом они стали подниматься все выше и выше, пока воздух не стал холодноватым даже для субботнего полдня в начале июня.

Сьюзи посмотрела вниз.

Дорога превратилась в маленькую желтую ленточку, а деревья – в молодую, только что пробившуюся морковную

ботву. Поля выглядели так, словно их размалевали зеленой краской.

Они полетели дальше, и Герман поднялся еще выше.

Сьюзи видела реки, похожие на серебряные ниточки, и переброшенные через них мосты, напоминающие крошечные роликовые коньки на кукольную ногу. Разноцветные крыши домов походили на ряды камушков, которые выкладывают на пляже.

По мере того как они поднимались выше, все чаще мимо проносились маленькие белые хлопья, похожие на клубы дыма.

– Что это? – спросила она.

Герман повернул голову.

– Клочки облаков, – ответил он. – А вот и целое облако прямо над нами.

Она посмотрела вверх.

– Но оно точь-в-точь как туман, – возразила она.

– Разумеется. Облака и есть туман, поднявшийся в небо.

– А мне казалось, что они похожи на подушки или сахарную вату.

– Они так выглядят, если смотреть снизу, – согласился он, – но на самом деле это туман, который не хочет стоять на месте.

Герман изменил курс и полетел через облако.

Это было все равно что идти в школу пасмурным утром: надеваешь резиновые сапоги и бредешь, не видя телеграф-

ных столбов и другой стороны улицы.

– Как ты определяешь, куда лететь? – спросила она.

– Да просто знаю, и все, – ответил он.

– Как радар?

– Да, как радар, – подтвердил он. – Ну вот мы и выбрались!

Внезапно опять засияло солнце, а облако оказалось под ними.

Они летели над городами, горами и долинами. Они летели над болотами, лесами и озерами.

Наконец они добрались до того места, где люди запускали в небо воюющие ракеты с огненными хвостами. Ракеты сотрясали атмосферу, как землетрясение сотрясает землю, а потом устремлялись туда, где уже не было воздуха.

– Ракеты летают выше птеродактилей? – спросила Сьюзи.

– Птеродактилям нет нужды летать так высоко, – ответил Герман.

– Они летают быстрее?

– Птеродактили не хотят летать так быстро.

– Значит, ракеты летают лучше.

– Но они не могут ловить рыбу, – сказал Герман. – У них нет собственных желаний. Они не могут получать удовольствия от сидения на солнышке.

– Разве это так важно, если ты можешь летать выше и быстрее?

– Да, – ответил Герман.

И они полетели дальше, пока не оказались над океаном.

– Что это за вода? – спросила Сьюзи.

– Это океан, – сказал Герман. – Воды на земле больше, чем суши. Рано или поздно она скроет под собой все, останутся только большие голубые, перекатывающиеся под солнцем волны.

– Полетели назад, – попросила она. – Мне страшно.

Герман развернулся и направился в обратный путь. Они летали почти каждый день. Сюзин папа однажды вечером заметил необычные следы за гаражом, но, поскольку он не спросил ее, она не стала объяснять, что это следы птеродактиля. После этого, правда, Герман стал высаживать ее в саду, откуда она шла домой пешком.

Почему Герман живет в саду? Сьюзи подолгу размышляла об этом. Однажды в середине июля, после двух месяцев знакомства, почувствовав, что может задать ему очень личный вопрос, она спросила:

– Герман, почему ты не можешь поиграть с другими птеродактилями?

– Я же сказал тебе, что они очень далеко, – ответил он.

– Да. Но если это так, почему ты здесь?

– Что ты хочешь сказать, «если это так»? Ты думаешь, я тебе соврал?

– Ну, ты ведь заливал насчет того, что не имеешь ничего общего со змеями.

– Ах это. Ну, они такие дальние родственники, что мы их

не принимаем во внимание.

– Но все же родственники. Мой папа так говорит.

– Ты рассказала ему обо мне?

– Нет, нет, – поспешно сказала она. – Я храню твою тайну.

Но однажды вечером я расспросила его о птеродактилях, и он сказал, что они родственны змеям, так же как черепахи и крокодилы.

– Черепах и крокодилов мы тоже почти не считаем родственниками.

– Не очень-то это здорово. На самом деле так поступают задаваки.

– Хорошо? Значит я врун, я задавака? Не верь мне больше!

– Я не это хотела сказать. Правда, не хотела. Не обижайся, Герман. Я просто все время удивляюсь, где твои папа с мамой и другие птеродактили – и почему они улетели, а тебя оставили здесь совсем одного.

– Я говорил тебе, что они далеко.

– В Южной Америке?

– Может быть.

– В джунглях Бразилии?

– Возможно. Может быть, это я улетел из дома. Может быть, это я оставил их. Что это меняет? Нам ведь весело вместе, правда?

– Да.

– Тогда какая разница?

– Ну, не знаю. Мне просто было интересно.

– Это касается только птеродактилей, а к людям не имеет никакого отношения, – сказал он. – Ты все равно не поймешь.

– А много вас там?

– Давай поговорим о чем-нибудь другом или полетаем.

– Ладно, давай полетаем.

Так они и сделали.

Они пролетали над такими удивительными местами – верфями и гаванями, университетскими городками и железными дорогами, луна-парками и фермами, где люди трудились на полях, – что она совсем забыла о своих вопросах.

Они пролетали над кораблями в океане и мимо самолетов в небе. Они догоняли грузовые поезда, мчащиеся по холмам и равнинам. Они пролетали над церквями и водохранилищами, а однажды промчались над лагерем бойскаутов у подножия холма, причем ни один из юных знатоков природы не смог определить, что за птица был Герман.

Иногда Сьюзи брала в сад книжки и читала Герману сказки. Он любил слушать о принцах, которых превратили в лягушек, но больше всего ему нравилась сказка про русалочку. Он заставил ее прочитать эту сказку три раза.

– Но она такая грустная, – сказала Сьюзи.

– Знаю, но я люблю грустные вещи, – ответил он ей.

– Ты заколдован? – спросила она.

– Что ты имеешь в виду?

– Может быть, ты действительно принц, которого превратили в птеродактиля, или что-то в этом роде?

– Нет, – возразил он. – Я птеродактиль. Только и всего.

– Конечно, если ты заколдован, то не можешь сказать мне об этом. Это же часть волшебства.

– Да, наверное. Но я не заколдован, – сказал он. – Я птеродактиль, самый обычный и незатейливый.

– Но ты ведь волшебник?

– В какой-то степени, – согласился он. – В том смысле, что, когда солнце дает тебе тепло и покой – это волшебство, и когда ветер обдувает тебя и ты можешь расправить крылья и парить – это тоже волшебство, и высоко летать, все видеть, пронизывать облака и узнавать, что это просто путешествующий туман, – тоже волшебство. Только и всего. Волшебство, доступное каждому, возможно, даже змеям: видеть мир по-своему. Я его вижу как птеродактиль.

– И это настоящее волшебство?

– Это единственное волшебство.

– А каково мое волшебство?

– Не могу тебе сказать. Ты сама должна ему научиться.

Каждому приходится искать свое собственное.

– Когда же я этому научусь?

– Не знаю. Знаю только, что обязательно научишься.

– Может, полетаем немного, Герман?

– Сначала прочитай мне еще одну сказку, – попросил он.

Вскоре наступил август.

Все в саду выросло в полный рост. Заросли ежевики стояли стеной, а ее некогда зеленые колючки затвердели, стали острыми как иголки и побурели.

На яблонях созрели яблоки, и Сьюзи ела их, сидя на солнышке с Германом. Ему самому фрукты не нравились.

По мере того как бежали августовские денечки, она все чаще стала задумываться. Задумываться о том, как случилось, что птеродактиль стал жить в этом саду совсем один. Почему он здесь, почему один?

Однако она больше не задавала ему вопросов, потому что знала, что он не ответит. Сьюзи просто продолжала над этим думать. Она вспомнила, как он сказал однажды: «Вы, теплокровные, очень ловко умеете разгадывать всякие загадки». Может быть, он хотел, чтобы она догадалась сама.

Нет, это совсем не так. Он просто хочет, чтобы она забыла о своих вопросах. «Это касается только птеродактилей», – сказал он тогда.

Поэтому она оставила все как есть и продолжала читать ему вслух и летать с ним.

Приближался конец августа, а значит, скоро пора будет возвращаться в школу. Это немного печалило ее, она знала, что будет скучать по длинным летним денькам, проведен-

ным с Германом. Знала она и то, что никогда уже больше у нее не будет такого лета. И ей становилось очень грустно.

Ночи становились холодными, как это иногда бывает в августе – словно год заранее содрогается при мысли о предстоящей зиме.

Все это пугало Сьюзи, как испугал океан, когда она посмотрела вниз через плечо Германа и увидела внизу что-то огромное, синее, колышущееся, бесконечное. Неужели вся эта ежевика, шиповник и яблони когда-нибудь станут океаном, сверкающим под солнцем, как сказал ей когда-то Герман? Это было удивительно. Неужели и все это лето станет океаном? Нет, решила она. Оно будет жить воспоминанием у нее в голове.

Но ночи все же становились слишком холодными, даже для августа. Каждое утро она замечала, что Герману все труднее проснуться и начать двигаться. И он все дольше сидел на солнышке.

Она вспомнила, что он холонокровный, а это означало, что температура его крови была равна температуре воздуха. Значит, ночью он должен очень мерзнуть, подумала она. Что же он будет делать, когда придет зима?

И вот на последней неделе каникул Герман спросил ее:

– Полетишь со мной сегодня ночью?

– Ночью?

– Да, когда стемнеет.

– Ой, не знаю... Я боюсь. Наверное, мне нельзя.

– Это очень важно, – сказал он. – Я очень тебя прошу. Захвати свитер, потому что будет холодно. Пожалуйста, приходи.

– Хорошо... – согласилась Сьюзи.

В ту ночь она лежала в кровати без сна, пока дом не затих и не погрузился во тьму. Тогда она встала, оделась как можно тише и вышла из дома. Герман знал, что ей страшно идти к саду в темноте, и ждал ее за гаражом.

Она взобралась ему на спину и спросила:

– Куда мы полетим?

– Это наш последний полет, – сказал он и, хлопнув крыльями, стал подниматься все выше и выше.

– Последний полет? – удивилась Сьюзи.

– Да.

Они улетели далеко. Она даже не могла себе представить, как далеко. Но прежде она никогда не летала ночью. Небо было подобно черному шелку с рассыпанными по нему капельками воды. Снизу, с земли, она никогда не видела таких ярких звезд.

Сьюзи посмотрела вниз и поняла, что она еще ни разу не поднималась так высоко. Города внизу были словно звезды над ними – маленькие пятнышки света, окруженные сплошной чернотой.

Сьюзи крепче обхватила Германа и опять посмотрела вверх.

– Я вижу звезды, – сказала она ему, – они красивые. – Она

глубоко вздохнула. – А воздух так чист и хорош.

– Да, – ответил он, быстрее работая крыльями.

– А город внизу – о, город внизу! – он тоже такой красивый, Герман.

– О городах я ничего не могу сказать, – сказал он.

– Да, да. Он очень красивый.

– Люди строят города, – объяснил Герман, – а птеродактили – нет. Поэтому я поверю тебе на слово. А раньше ты не замечала, что он красивый?

– Нет, – ответила она.

– Тогда, я думаю, ты начинаешь обретать свое волшебство.

– Правда?

– Да, и я за тебя рад.

– Ты сказал, что это наш последний полет?

– Да, это так.

– Почему?

– Впитывай в себя ночь, – сказал он. – Дыши глубже. Смотри на мир под тобой, мерцающий в темноте. Это твой мир, тепловая Сьюзи, а не мой.

– Что ты хочешь сказать?

– Только то, что ты должна смотреть и наслаждаться. Понимание придет позже.

Они летели все дальше, дальше и дальше.

Потом он развернулся и направился туда, откуда они прилетели.

Обратный путь занял много времени, и Сьюзи потянуло ко сну, несмотря на холод и возбуждение от полета. Она поняла, что было поздно, очень поздно, и уже давно пора было спать.

И вот они уже кружат над ее двором, все ниже и ниже, и наконец мягко приземлились за гаражом.

Взошла луна, большая и круглая, кремового цвета.

Сьюзи слезла со спины Германа и встала перед ним.

– А теперь скажи мне, – спросила она, – что ты имел в виду, когда говорил «последний полет»?

– Я должен лететь, – ответил он, – сейчас. Я думал, что смогу остаться подольше, но погода слишком быстро становится холодной. Я не выношу холода. Я должен лететь на юг, как птицы.

– В Южную Америку?

– Возможно.

– Ну почему «возможно»? Почему это такая большая тайна? Почему ты не расскажешь мне, куда ты направляешься и где живут другие птеродактили?

– Да это не имеет значения, – сказал он, – честно. До свиданья, Сьюзи. Уже пора.

– Не улетай, Герман! Я буду скучать по тебе!

– И я буду скучать по тебе, Сьюзи. Но я должен лететь.

– Ты вернешься будущим летом?

Он расправил крылья.

– Ну конечно, вернусь. До свиданья.

И тут все, над чем она размышляла, все загадки, которые она пыталась разгадать этим долгим летом, – все стало ясно.

И она выкрикнула, не раздумывая. Если бы у нее было время подумать, возможно, она не стала бы этого говорить. А может, и стала бы.

– Ты последний, да, Герман? Ты самый последний птеродактиль на всем белом свете? – спросила она. – Да?

Вместо ответа он взмыл в воздух, взмахнув огромными крыльями. В следующее мгновение он был уже выше деревьев.

– Да? – кричала она. – Ведь это так? Ты самый последний! Он кружился высоко над двором, и соленая капля, как капля дождя, упала ей на щеку.

Потом крылья подняли сильный ветер, и он поднялся так высоко, что стал казаться не больше птицы.

– Я люблю тебя, Герман! – кричала она. – Правда-правда, люблю! Пожалуйста, возвращайся! Прилетай на следующее лето!

Потом он стал таким маленьким, что его едва можно было разглядеть. А потом и вовсе исчез.

Она еще долго смотрела в небо, чувствуя себя маленькой, слабой и несчастной. Что-то большое и сильное, что могло летать выше, быстрее и дальше птиц и, в сущности, было совершенно ужасным – со своим огромным клювом и когтями, – улетело далеко-далеко.

И она чувствовала, что это навсегда и что она уже никогда

не увидит Германа. Она все смотрела, пока не заметила, что совсем продрогла и хочет спать.

Сьюзи тихо вошла в дом и прокралась к своей кровати. В ту же ночь ей приснилось, что она наконец нашла свое волшебство. Утром она расплакалась.